

ГЛАВА 1

Бойцы, столпившиеся на площадке возле железнодорожного депо Ростова, поздравляли друг друга с победой: только что пришло сообщение, что немецкие войска оставляют город. Это означало, что Красная Армия выиграла битву за Кавказ.

Капитан Глеб Шубин, услышав эту новость, испытал огромную радость. «Вот и кончилось наше сражение за Ростов, — подумал он. — Теперь точно можно будет отдохнуть. Полковник Уколов грозился дать мне трехдневный отпуск. Теперь я от него отказываться не буду. Надо будет отыскать Катю Измайлову... Последнее письмо от нее пришло из Котельникова. Что ж, съезжу в Котельниково, это недалеко. Но прежде надо будет себе форму подыскать...»

Дело в том, что Шубин отправился сражаться за Ростов сразу после своего бегства из немецкого плена. Бежал он в форме лейтенанта, которую ему дали немцы. И до сих пор носил лейтенантские погоны. Он считал, что в бою

это совсем не важно. Но вот теперь настало время позаботиться о своем внешнем виде.

Так Шубин размышлял, стоя среди солдат своей роты, когда на площадку перед депо въехал «Виллис». В машине сидел незнакомый Шубину лейтенант. Выйдя из машины, лейтенант строгим голосом спросил:

— Кто здесь капитан Шубин? Мне срочно необходимо его видеть.

Поскольку Шубин раньше не видел этого человека в штабе Южного фронта, да и «Виллиса» такого у генерала Еременко не было, он удивился. Однако шагнул вперед и сказал:

— Я Шубин. Какое ко мне дело?

Приезжий лейтенант окинул разведчика цепким взглядом. Он сразу заметил на его погонах скромные лейтенантские, а не капитанские звездочки, заметил поношенную, кое-где порванную форму, кровавый след на щеке (Шубина все же задело пулей, когда их обстреливали во время атаки). И в то же время он отметил уверенность разведчика, его бывалый вид.

— Я лейтенант Соколов, адъютант командующего отдельной танковой группой Юго-Западного фронта генерала Попова, — представился приезжий. — Относительно вас, товарищ капитан, издан приказ, подписанный вашим командующим фронтом генералом Еременко. С этого момента вы переводитесь с Южного фронта на Юго-Западный и поступаете под ко-

мандование генерала Попова. И мне поручено проводить вас на новое место службы.

Удивлению Шубина не было предела.

— Что значит «новое место службы»? — спросил он. — И почему меня нужно туда провозить? Я и сам могу добраться до штаба фронта. Только сначала мне нужно увидеться со своим начальником полковником Уколовым. Да и с командующим фронтом генералом Еременко неплохо бы повстречаться, хотя он меня и передал на другой фронт. Он говорил, чтобы я лично доложил ему о выполнении своего задания в Ростове. А я не доложил, не успел...

— Ни с Уколовым, ни с Еременко вам повстречаться не удастся, — категорически заявил Соколов. — Я не могу вам обо всем сейчас рассказывать, тут дело секретное, тем более у нас с вами совсем нет времени. Генерал Попов требовал, чтобы мы уже через два часа были у него в штабе.

— Как это — «через два часа»? — удивился Шубин. — Даже если мы поедем на твоей машине, все равно полдня будем ехать...

— Нет, мы поедем не на машине. На машине мы доедем только до аэродрома. А там нас ждет «Дуглас», который и доставит нас в Купянск. У нас каждая минута на счету!

— Но почему такая срочность?

— Этого я вам сказать не могу, — твердо сказал Соколов. — Это военная тайна. Вы же

разведчик, должны знать, что такое военная тайна. Необходимые сведения вам сообщат на месте.

Да, что такое тайна, Шубин знал хорошо. Только теперь до него стало доходить, какая важная перемена происходит в его жизни. Спорить, возражать дальше уже не имело смысла. Шубин только указал на свои лейтенантские погоны, сказал:

— Может, я хотя бы форму успею сменить? А то представляться новому начальству в таком виде как-то неудобно...

— Где же вы ее здесь смените? — удивился Соколов. — Ваш фронт за двое суток почти сто пятьдесят километров прошел, тылы отстали. Тут неизвестно, когда кашу для солдат успеют подвезти, а вы говорите «форма». Вот на место прибудем, там и переоденетесь. Не беспокойтесь: в таком виде я вас к командующему не поведу. Генерал Попов, правда, не такой аккуратист, не требует, чтобы во время боя у подчиненных все пуговицы были начищены. Но все равно расхлябанности он не любит.

— Понятно... — протянул Шубин.

Сказанное приедем лейтенантом ему, в общем, пришлось по душе. Подход к дисциплине его нового начальника генерала Попова ему нравился. Шубин встречал на войне таких аккуратистов, которые требовали соблюдения всех правил, что бы ни творилось вокруг. Воз-

можно, такая твердость заслуживала уважения, но ему был ближе другой стиль: парадная одежда — для парада, а в боевой обстановке хорошо, если успел штаны надеть. В этом вопросе он полностью сходиллся с точкой зрения командующего Южным фронтом генерала Еременко.

— Ладно, если нельзя переодеться, — сказал Шубин, — то надо хотя бы сдать командование ротой. Не могу же я людей бросить!

И, не дожидаясь ответа приезжего, он подошел к сержанту Рябову и сказал:

— Такие дела, сержант. Придется тебе принять командование ротой. Я срочно убываю на новое место службы, а лейтенанта, как ты сам мне сказал, только что убили. Доложишь полка майору Зорину, почему так вышло. А уж он решит, оставить тебя во главе роты или надо прислать офицера. Прощай!

Они с Рябовым крепко пожали друг другу руки. Недолго они воевали вместе — и суток не прошло. Но на фронте люди быстро сближаются. Вот и Шубин чувствовал привязанность к сержанту Ивану Рябову. Кроме того, он понимал, что уже не успеет попрощаться ни с кем из тех, с кем воевал здесь уже полгода. Так что в лице сержанта Рябова он прощался со всем Южным фронтом.

Попрощавшись с сержантом, Шубин сел в машину и сказал:

— Ну, я готов.

Соколов тоже сел на свое место и дал водителю указание:

— На аэродром.

Машина развернулась и поехала по направлению к аэродрому Ростова. Когда они приехали на аэродром, Соколов дал водителю указание выехать непосредственно на летное поле и подъехать к самолету.

— А к какому мне самолету подъезжать, товарищ лейтенант? — спросил водитель. — Тут их вон штук восемь...

— Тебе нужен транспортный «Дуглас», готовый к взлету, — объяснил Соколов. — То есть у которого уже винты вращаются.

Водитель немного проехал по полю аэродрома, а затем радостно воскликнул:

— Вижу такой самолет! Вот он!

— Поезжай к нему, — скомандовал Соколов. — Прямо к трапу. Когда мы сядем, ты тоже езжай в Купянск, только своим ходом на автомобиле. К завтрашнему утру жду тебя в штабе. Ясно?

И, отдав все необходимые распоряжения, адъютант командующего танковой группой вышел из машины и направился к трапу самолета. Шубин шел за ним. Поднимаясь на борт «Дугласа», он старался вспомнить, когда ему в последний раз доводилось летать на самолетах. Давно же это было! Пожалуй, в 1941 году...

Когда два офицера вошли в самолет, то обнаружили, что, кроме них, этим бортом полетят еще несколько человек. В основном это были офицеры-танкисты. А в грузовом отделении Шубин заметил запчасти для танков и «катуш», из чего он сделал вывод, что не только его одного спешно перебрасывают с Южного на Юго-Западный фронт. «Кажется, там, на этом фронте, предстоят какие-то важные дела, — размышлял он. — Стало быть, это хорошо, что меня туда переводят, хотя и не спросив на этот счет моего мнения, ничего не рассказав».

В нем нарастало радостное возбуждение, которое он всегда испытывал, если предстояло какое-то важное и опасное дело. Ведь не будут же его, опытного разведчика, просто так спешно перебрасывать с фронта на фронт! Значит, главные военные события в ближайшее время произойдут здесь, на Осколе и Северском Донце, а не на берегах Дона и Азовского моря.

В Купянск они прилетели уже под вечер. Поскольку с машиной лейтенант Соколов расстался в Ростове, Шубин предполагал, что на новом месте им придется тащиться до штаба на своих двоих. Впрочем, его это ничуть не пугало — он привык много ходить пешком.

Однако оказалось, что он ошибся. Когда они вышли из самолета, то обнаружили ожидавшую их машину — на этот раз «Бьюик».

«Вот это да! — подумал Шубин. — Неплохие ресурсы у них тут собраны!»

Машина повезла их по улицам Купянска, и Шубин заметил, что город не очень пострадал от боевых действий — большинство домов стояли целые, даже стекла в окнах сохранились. И он спросил об этом своего спутника.

— А почему город не разрушен? Немцы что, без боя здесь отошли?

— Можно сказать и так, — ответил Соколов. — Мы их уже двести километров гоним, от самой Новой Калитвы. Мы уже и Оскол форсировали, и легко форсировали, без больших потерь. И к северу от нас такая же картина: там 3-я танковая армия генерала Рыбалко гонит фрицев, так что у них только пятки сверкают. Можно сказать, что противник полностью деморализован. Поэтому у нашего командования и возникли планы таких решительных действий. Но я что-то слишком разговорился: о планах вам сам генерал расскажет, как только приедем в штаб.

После того, как Шубина доставили к новому месту службы на самолете, как какого-нибудь генерала, и после того, как к трапу подали отличную машину, он ожидал, что штаб генерала Попова будет располагаться не иначе как в самом красивом здании Купянска. Однако они проехали центр города не останавливаясь и теперь двигались по окраинным улицам. На-

конец машина остановилась у крепкого, но невзрачного домика.

— Не слишком большое помещение у вашего штаба, — заметил Шубин, выходя из машины.

— А нам большое и не нужно, — ответил Соколов. — Мы в Купянске долго не задержимся. Здесь останется штаб фронта, а мы уже завтра передислоцируемся в Изюм.

Они поднялись на крыльцо и вошли в штаб. Как видно, Соколова здесь хорошо знали: часовые его ни о чем не спросили, только отдали ему честь. Пройдя помещение, Соколов уверенно открыл дверь в следующую комнату и пропустил вперед Шубина. А когда они вошли, доложил:

— Товарищ генерал, капитан Шубин прибыл!

Разведчик окинул взглядом помещение, в котором оказался. Сразу было видно, что еще несколько дней назад это была какая-то контора: у стен стояли шкафы, набитые папками, в угол были сдвинуты несколько столов. О том, что здесь расположен штаб крупного военного формирования, говорили только два предмета: стенд, к которому была прикреплена большая карта местности, и отдельный столик со стоящими на нем пятью телефонами. В центре стоял стол для совещаний, за ним сидели два человека. На одном, высокого роста, черноволосом, стройном, был китель с генеральскими погонами, так что не приходилось сомневаться в том,

что именно он и есть командующий танковой группой генерал Попов, и это к нему обращался Соколов. Но и помимо формы многое говорило о том, что перед Шубиным — крупный военачальник. Волевое лицо, крепко сжатый рот, со складками у уголков, умные глаза с жестким взглядом — все выдавало в нем человека, привыкшего отдавать приказы, принимать решения, определяющие судьбы сотен людей.

На втором человеке, сидевшем за столом, был полковничий мундир, и вид у него был не такой воинственный — он был похож скорее на профессора, чем на военного. «Значит, это начальник штаба», — определил Шубин.

Человек в генеральском мундире поднял глаза и встретился глазами с Шубиным. Минуту, не меньше, он ничего не говорил, только изучал разведчика, осматривал его с ног до головы. Тут Шубин вспомнил, что на нем чужой мундир с лейтенантскими погонами, что он потный, грязный, со следом от пули на щеке. «Черт, так и не дали мне переодеться!» — подумал он с досадой.

Но вот генерал Попов закончил изучать гостя и произнес густым баритоном, почти переходящим в бас:

— Значит, это ты Шубин? Хорошо... Видишь ли, Шубин, мне нужен начальник армейской разведки. Прежний мой главный разведчик, Коля Еремин, отличный был мужик, но два дня назад неудачно подставился под немец-

кую пулю. К счастью, не насмерть, но месяц нахождения в госпитале ему обеспечен. А мне без главного разведчика сейчас никак нельзя — важные дела предстоят. А о тебе хорошо отзываются с прежних мест. Прямо очень хорошо. Вот я и решил выпросить тебя у Еременко, даже не видя. Скажи: ты готов решать крайне сложные и крайне опасные задачи?

— Готов, товарищ генерал, — не задумываясь ответил разведчик.

— Значит, готов. Это хорошо. Тогда познакомься с моим начальником штаба Егором Трифоновичем Лебедевым.

Шубин шагнул вперед, и они с полковником обменялись рукопожатиями.

— Ну вот, теперь иди сюда и слушай внимательно, — продолжал Попов. — Буду объяснять тебе обстановку и ставить боевую задачу. Сведения, которые я тебе сообщу, являются совершенно секретными — как в ноябре прошлого года был секретом план наступления под Сталинградом.

Шубин подошел к карте; то же самое сделал и генерал.

— Вот, видишь, мы находимся в Купянске, — начал он свою «вводную». — А еще пять дней назад были в Новой Калитве. То есть немцы отступают вовсю, не отступают, а просто бегут. И как успел выяснить мой разведчик Коля Еремин, сил у них здесь мало. Основная сила,

которая защищает весь этот район, — группа «Ланц». А у нее всего сорок тысяч бойцов! Сушная ерунда. А главное — у немцев почти не осталось танков. Вот почему у нашего командования возник план — устроить фрицам здесь, между Северским Донцом и Днепром, второй Сталинград. Окружить все их армии в этом районе и прижать к Азовскому морю. А самим выйти к Днепру и захватить плацдармы на его западном берегу. Освободить три десятка городов, и главный среди них — Харьков. Вот какой план!

— Здорово! — оценил этот замысел Шубин. — Я был в Сталинграде, участвовал в окружении группировки Паулюса. Тогда мы смогли, почему бы сейчас не повторить?

— Да, почему бы не повторить, если противник слаб? — отозвался полковник Лебедев. Он тоже встал из-за стола и присоединился к стоявшим возле карты Попову и Шубину.

— Да, если противник слаб... — повторил генерал слова своего начальника штаба и чему-то усмехнулся. — Теперь смотри, Шубин, какая боевая задача стоит непосредственно перед нашей танковой группой. Мы должны, используя плацдармы на западном берегу Оскола, нанести удар на участке от Изюма до Славянска, занять эти города, а затем развивать наступление дальше на юго-запад. Задача — дойти вот сюда, до Лозовой, а затем и до Запорожья. Дойти и занять этот город!

— Хороший план! — снова одобрил Шубин. — Тут ведь что важно, как я понимаю? То, что можно будет перейти Днепр по льду, закрепиться на том берегу. Здорово! А моя задача, как я понимаю, — разведать немецкие силы на пути нашего наступления?

— Да, ты угадал. И тут не было бы ничего сложного, если бы не одно обстоятельство...

Генерал еще раз взглянул на карту, а затем отошел от нее, прошелся по комнате.

— Обстоятельство вот какое, Шубин, — вновь заговорил Попов. — Меня смущает поспешность немецкого отступления. Никогда еще за полтора года войны немцы так себя не вели. Они всегда цеплялись за каждый клочок земли, не отдавали ничего просто так. Почему же они теперь ведут себя иначе?

— Так ведь силы у них кончились, Маркиан Михайлович, — поспешил ответить на этот вопрос командующего его начальник штаба. — После разгрома под Сталинградом у Гитлера больше нет резервов и моральный дух немецкой армии тоже упал. Вот они и бегут, ничего тут странного нет.

— Да, вот и генерал Ватутин, командующий Юго-Западным фронтом, то же самое говорит, — кивнул Попов. — Дескать, нечего нам на противника оглядываться. Были немцы, да все вышли. А я не верю, что они вышли! Ведь недооценка противника — огромная ошибка.

К тому же мой разведчик Коля Еремин незадолго до своего ранения взял одного важного языка и тот показал, что в немецкой армии ходят слухи о скором прибытии резервов. Откуда должны прибыть эти резервы, пленный не знал. Но сами слухи меня встревожили. Вот почему я решил, что мне срочно необходим надежный разведчик. Такой разведчик, который может выведать все вражеские секреты. Так что уточняю твою боевую задачу, Шубин. Тебе нужно не просто узнать, как быстро немцы отступают. И не только выведать, где они намерены остановиться и строить новый оборонительный рубеж. Главное, что ты должен узнать, — это секретные планы врага. Какие резервы должны к немцам подойти? Откуда? И не устраивает ли он нам ловушку? Вот твоя задача. Понял?

— Да, Маркиан Михайлович, понял, — твердо ответил Шубин. — Я с вами полностью согласен: недооценивать немцев нельзя. Я вот сам недавно их недооценил — и в результате попался в немецкую ловушку. С трудом ноги унес, а несколько моих товарищей погибли. Так что я теперь ученый.

— Это там ты капитанскую форму на чужую сменил и в звании себя понизил? — усмехнулся Попов.

— Так точно, там, — признался Шубин.

— Ладно, это беда небольшая, форму мы тебе найдем, — пообещал генерал. — Тем более прямо

сейчас она тебе не понадобится. Ведь в немецкий тыл ты в парадной форме не пойдешь...

— А когда мне на задание отправляться? — спросил разведчик. — Надо бы несколько часов для подготовки: карту получше изучить, оружие подобрать, место присмотреть, где фронт переходить... Так что лучше всего было бы отправляться к немцам завтра.

— Нет, Шубин, насчет завтра не получится, — покачал головой Попов. — Завтра мы уже должны выступить, весь корпус. Мы и так отстаем: ведь наши соседи, Воронежский фронт, уже три дня бьют немцев северней Харькова. Так что отправляться тебе надо сегодня ночью. А насчет оружия, снаряжения и всего прочего ты не беспокойся: все, что нужно, мы подберем. И место перехода покажем. Это все сделает заместитель твоего предшественника, Петр Мельник. А скажи: ты один на задание пойдешь или лучше с напарником?

— Вообще-то я предпочитаю в одиночку действовать, — признался Шубин. — Но ведь теперь мне придется на большую глубину в немецкий тыл проникать, верно?

— Да, желательно разведать территорию до самого Запорожья, — кивнул Попов. — А это около трехсот километров.

— Триста километров — большое расстояние, — сказал разведчик. — Надо будет раздобыть какой-то транспорт, обеспечить устой-

чивую передачу данных вам... Так что тут, пожалуй, мне без помощника не обойтись.

— Вот и я так подумал, — согласился генерал. — Кого же назначить тебе в помощники? Был бы здесь Коля Еремин, он бы вмиг кого-то из своих посоветовал. А так...

— А давайте мы ему этого самого Петра Мельника и выделим, — предложил полковник Лебедев. — Он опытный разведчик. К тому же, как я знаю, по-немецки говорит...

— А вот это очень полезно! — оживился Шубин. — Я сам по-немецки неплохо говорю, и на заданиях знание языка очень помогает. Но напарника, который тоже бы понимал язык врага, у меня до сих пор не было. А ведь если напарник тоже говорит по-немецки, действовать в тылу врага нам будет проще.

— Так-то оно так... — сказал Попов, с сомнением качая головой. — Только некоторые качества Петра меня смущают...

— А что такое? — встревожился Шубин. — Что не так с этим Петром? Может, он пьет много? Или команд не слушает?

— Команды не очень слушает, это есть, — подтвердил командующий. — А вот насчет алкоголя — этого за ним не замечено. Но я о другом говорю. Какой-то он несерьезный, этот Петр. Вечно шутит, балагурит...

— Но ведь делу его веселье не мешает? — уточнил Шубин.